

— Ох, точно...

Услышав его вопрос, Харе поднял голову и заморгал припухшими от слёз глазами. До него вдруг дошло кое-что очень важное:

— Я ведь совершенно не умею готовить!

Он никогда в жизни не стоял у плиты. Клан Годжо хоть и таил на него глубокую обиду, внешние приличия соблюдал строго, так что едой и одеждой Харе никогда обделён не был.

К еде парень относился равнодушно. На одиночных миссиях всё обстояло просто: проголодался — проглотил проклятого духа, нет — так и ладно. К собственным нуждам он привык относиться без лишней заботы.

Приготовить обед для родителей было его маленькой, заветной мечтой. В детстве, заворожённо глядя на экран телевизора, где дружная семья собиралась за одним столом, он отчаянно завидовал этой теплоте. Но если его стряпня окажется несъедобной, это будет слишком...

— Постой-ка, — Харе отвернулся, вытирая плечом мокрые ресницы, и с надеждой уставился на Сукуну. — Ты ведь умеешь, да?

Сукуна опешил.

«Умею? Что именно? Пожирать плоть? Охотиться? Убивать? Но уж точно не у плиты стоять. Разве я хоть сколько-то похож на повара?»

В его голове пронеслась череда насмешливых вопросов. Спросить подобное у него — верх нелепости.

— С чего ты взял? — фыркнул он.

— С чего? — Харе точно помнил изученные перед отправлением документы. Этот парень обожал плотно и вкусно поесть — полная противоположность самому Харе. Он явно ценил изысканные вкусы. К тому же... — Твоя техника ведь называется Гробницей зла?

Сукуна лишился дара речи.

Не успело последнее слово сорваться с губ Харе, как его левая рука резко взмыла вверх, словно за неё кто-то невидимый дёрнул. На запястье проступила алая цепь. Юноша не успел даже рассмотреть её, как в глазах потемнело. Тело безвольно осело у стены, а сознание рывком утянуло во Врождённую территорию.

Едва Харе опомнился, как перед ним выросла исполинская фигура проклятия в белом кимоно. Две пары рук сплелись в ритуальном жесте, а четыре багровых глаза на жутком лице уставились сверху вниз. Бархатный, рокочущий голос раскатился по пространству:

— Смотри внимательно, малявка. Сейчас я покажу тебе, что такое Гробница зла...

Сукуна возвышался на груде черепов, окружённый багровыми реками крови. На миг Харе показалось, что перед ним предстал грозный небожитель с древних храмовых свитков — непостижимый, стоящий по ту сторону добра и зла, божественного и демонического.

Ему даже подумалось, что в этом обличье Сукуна пугающе красив.

Но уже в следующую секунду морок рассеялся. Какая, к чёрту, красота! Этот гад ведь прямо сейчас собрался его прихлопнуть!

— Расширение территории. Гробница...

— СТОП!

Их голоса прозвучали в унисон. Харе рванулся вперёд и ладонью запечатал рот Сукуны.

— Всё-всё, я понял! Хороший пёсик, молодец, показывать не надо!

Неся эту несусветную чушь, парень сладко и обезоруживающе улыбнулся. Он приподнялся на цыпочки и принялся ласково ерошить волосы Сукуны, словно гладил домашнего питомца, надеясь замять дело.

Король проклятий, проживший больше тысячи лет и впервые подвергшийся подобной ласке, оцепенел.

С одной стороны, наглый малец вконец потерял страх и откровенно садился на шею. С другой... прикосновение мягких пальцев к макушке оказалось на удивление приятным. Сукуна поймал себя на мысли, что совершенно не испытывает злости.

Он странно притих. Руки опустились, разрывая печать, а сам он невольно склонил голову чуть ниже, чтобы Харе было удобнее тянуться.

Заметив эту уступку, Харе так и расплылся в улыбке. Надо же, Король проклятий внешне весь такой угловатый и колючий, а волосы у него на редкость мягкие. Завести такого домашнего питомца было бы очень даже недурно.

Временное смирение чудовища усыпило бдительность парня. Он не заметил, как четыре багровых глаза сузились, полыхнув опасным огоньком.

«Все мысли на лице написаны. Наивный дуралей. С чего он взял, что может приручить меня?»

Сукуна резко перехватил инициативу. Повернув голову, он клацнул зубами, впиваясь в ладонь, которой Харе закрывал ему рот.

Юноша вскрикнул от боли. Острые зубы вонзились в мягкую подушечку у основания большого пальца, и на кожу мгновенно выступила кровь.

— Ну и какую же глупость ты себе вбил в голову? — Сукуна крепко сжал запястье Харе. Он разжал челюсти и принялся медленно слизывать кровь с раны, не сводя с лица парня пристального взгляда. В его глазах читалась издевательская усмешка. — С чего ты взял, будто я послушный?

Получив укус на ровном месте, Харе лишь обречённо вздохнул:

— Видимо, у меня крыша поехала.

— Хм, — Сукуна негромко рассмеялся и с явным сожалением выпустил его руку.

Харе поспешно отдернул ладонь. Взглянув на укушенное место, он удивлённо моргнул: пока Сукунализывал рану, он одновременно применил Обратную проклятую технику. Кожа была абсолютно гладкой, ни следа от зубов.

«Какой же он сложный тип, — подумал Харе. — Строит из себя зверя, а сам тут же лечит»

Он размял пальцы и, не желая сдаваться, снова завёл прежнюю шарманку:

— Так ты умеешь го...

Закончить слово «готовить» он не успел — лицо Сукуны помрачнело так стремительно, что вопрос застрял в горле.

— Ураумэ умеет, — буркнул Король проклятий.

Ураумэ. Точно, Харе припоминал это имя из отчётов. Опять всё перепутал. Но где сейчас искать этого Ураумэ?

Юноша задумался, но так ничего и не вспомнил. Идея выкрасть личного слугу Сукуны ради

пары уроков кулинарии выглядела сомнительно. Впрочем, его сосед Аки, кажется, отлично готовил. Надо будет попроситься к нему в ученики.

Учитель найден, теперь нужна подопытная мышь для дегустации. Сам Харе в еде непривередлив, Дэндзи считает всё подряд без разбора — от него честного отзыва не дождёшься. А Пауэр...

Эта девица запросто назовёт его кулинарные шедевры куском дерьма, а портить себе настроение не хотелось.

Харе постоял, разглядывая мыски своих ботинок, а затем медленно поднял взгляд на стоящего рядом Сукуну.

Тот — гурман со стажем, повидал жизнь, пробовал лучшие деликатесы эпохи Хэйан. Да и ругался он на удивление цензурно: всякие «малевки» и «жалкие букашки» Харе вообще за оскорбления не считал. Идеальный кандидат.

Темноволосый синеглазый юноша хитро прищурился, обнажив в улыбке острые белые клыки:

— Сукуна, мне в голову пришла отличная мысль!

Проклятие лишь изогнуло бровь.

Спустя неделю Харе наконец закончил прибирать последний учебный класс, назначенный ему в наказание. Усевшись на подоконник, он окинул взглядом аккуратный газон во дворе и облегчённо выдохнул:

— Уф... Конец мучениям.

На том злополучном зачёте из-за проделок Сукуны, затащившего его на свою территорию, Харе потерял кучу времени. Закономерный итог — последнее место в рейтинге и исправительные работы по уборке школы. На кулинарные изыскания времени почти не оставалось: всё, что он успел сделать, это выпросить у Аки рецепт простейшего омурайсу — риса под яичным омлетом.

Но кое-какие успехи всё же были. По крайней мере, он нашёл укромное местечко, где можно было спокойно практиковаться.

Немного переведя дух, Харе вернулся в общежитие, забрал купленные накануне продукты и на всех парах спустился с горы. С сияющей улыбкой он постучал в дверь небольшого домика у

дороги.

Хозяйка, пожилая женщина, открыв дверь, на секунду лишилась дара речи от такой лучезарности.

Пару дней назад этот миловидный юноша вежливо попросил сдать ему в аренду кухню, соврав, будто готовится к роли в кино. Старушка, растаяв перед его обаянием, согласилась. К тому же парень щедро заплатил вперёд. Изысканные манеры и манера держаться выдавали в нём отпрыска благородного семейства — вреда от такого точно не будет.

Проводив Харе на кухню и вкратце показав, где лежат утварь и специи, хозяйка оставила его одного, а сама отправилась к мужу в сад пить чай.

Разложив на столе кулинарную шпаргалку от Аки, Харе принялся за дело. После получаса грохота и шипения масла он призвал Сукуну.

— Та-да-м! Оцени творение!

Перед Королём проклятий опустилась тарелка с чем-то абсолютно обугленным и бесформенным. Сидящий за столом Сукуна, скрестив руки на груди, одарил это месиво ледяным взглядом:

— И это, по-твоему, «отличная мысль»?

— Ну конечно! Я всё обдумал: лучше тебя дегустатора не найти. Я даже специально арендовал чужую кухню подальше от посторонних глаз, чтобы потренироваться. Давай, пробуй! — Харе опёрся ладонями о столешницу и с надеждой придвинул блюдо ближе.

Сукуна перевёл взгляд с дымящейся чёрной массы на сияющее лицо парня, а затем просто повёл пальцем. Раздался резкий щелчок — тарелка разлетелась на аккуратные осколки.

Разрубленное пополам «блюдо» разъехалось в стороны. Под углистой коркой обнаружился относительно желтоватый омлет, но вот скрывающийся внутри рис превратился в окаменелую корку. Нарезанное кубиками куриное филе и вовсе осталось полусырым — из некоторых кусочков соком сочилась розовая сукровица.

Зрелище, как и запах, было тошнотворным.

— Я помоями не питаюсь, — брезгливо отрезал Сукуна.

Какая наглость — совать ему подобную дрянь!

Харе обиженно надулся:

— Ну и ладно!

В первый день тренировок Харе лишился одной тарелки и тысячи иен, выданных хозяйке в качестве компенсации.

На второй день он решил приготовить тёртый ямс с бамией. Поскольку оба ингредиента отличались склизкой текстурой, итоговая каша заслужила от Сукуны лаконичное сравнение с рвотными массами. Блюдо постигла та же участь — оно было безжалостно уничтожено без единой пробы. На этот раз извинения перед старушкой обошлись Харе уже в две тысячи иен.

К третьему дню Харе осознал, что повар из него никудышный, и переключился на десерты. Его выбор пал на нежные пирожные моти с начинкой из матча-крема.

Рецепт казался элементарным: взбить сливочный сыр с порошком зелёного чая, замесить тесто из клейкой рисовой муки и крахмала, придать форму и отправить в холодильник. Никакого кипящего масла, никакого открытого огня.

Внешне пирожные получились удивительно милыми. Сукуна колебался, но всё же откусил кусочек. Приторная, удушающая сладость мгновенно забила рецепторы, напрочь заглушив благородную горчинку чая. Сахара было столько, что у проклятия перехватило дыхание.

— Ну как? — с надеждой спросил Харе, заглядывая ему в лицо.

Он был уверен в успехе: аккуратные зелёные моти в форме цветков сакуры выглядели безупречно.

Нахмурившись, Сукуна молча вернул надкушенный цветок на блюдце и отправился на поиски воды.

Харе недоумённо захлопал глазами. Неужели так плохо?

Он потянулся через стол, откусил кусочек и удивлённо причмокнул — на его вкус вышло отлично. Воодушевлённый успехом, он уже решил остановиться на этом десерте, но вовремя вспомнил, что маме Гето вредно есть слишком сладкое. Да и одним сладким сыт не будешь — полноценное горячее блюдо всё равно требовалось.

Вдобавок ко всему, во время уборки выяснилось, что остатки вязкого рисового теста намертво забили слив в раковине.

Кошелёк Харе похудел ещё на три тысячи иен за вызов сантехника, зато Сукуна из-за избытка

сахара до конца дня общался исключительно хриплым шёпотом.

На четвертый день он замахнулся на одэн. К несчастью, Харе не заметил, что купленные мешочки кинтяку были начинены чернилами каракатицы. В процессе варки тонкое тесто порвалось, превратив прозрачный бульон в густую чёрную жижу, напоминающую варево болотной ведьмы.

Пробовать это никто не решился.

На пятый день, вдохновившись идеей фаршированных мешочков, он решил приготовить темпура-тофу с мясной начинкой. Однако парень забыл обсушить соевый творог перед жаркой. Едва влажные кубики коснулись раскалённого фритюра, как брызги кипящего масла полетели во все стороны. Руки Харе покрылись волдырями, а сам тофу мгновенно превратился в угольки.

Харе чуть не расплакался.

«Кулинария — это просто ад крошечный...»

Он уныло опустился на стул, обиженно надув губы. На бледной щеке багровело свежее пятно от ожога.

— Цыц, горе луковое, — проворчал Сукуна, прерывая его страдания, и протянул к нему руку. — Подойди сюда.

— А? — Харе, всё ещё переживая крах своего кулинарного гения, заторможенно повернул голову. Он искренне подумал, что проклятие решило побаловать его горелыми углями.

Парень послушно придвинул к нему тарелку с пеплом. Сукуна закатил глаза, проигнорировав угли, и крепко перехватил Харе за запястье. Направив проклятую энергию, он принялся заживлять воспалённые ожоги на его предплечьях.

— Эту гадость жри сам, — не упустил он возможности уколоть горе-повара.

Харе зачарованно смотрел, как под действием Обратной проклятой техники затягиваются его раны, но обидные слова быстро вернули его к реальности:

— Не смей оскорблять еду!

Это вообще-то был тофу, а не «гадость»!

— Хм, — Сукуна издевательски ухмыльнулся и лениво приподнял веки, буравя его взглядом. —

Оскорбляю еду? Глупый малец, неужели не ясно? Я оскорбляю тебя.

Харе на секунду лишился слов от такой наглости. Схватив уцелевший кусочек горелого тофу свободной рукой, он попытался силой запихнуть его Сукуне в рот. Однако проклятие среагировало мгновенно: тяжёлая ладонь опустилась на талию парня, лишая сил, и грубо прижала его обратно к сиденью.

Сукуна придвинулся вплотную. Его горячий шершавый язык медленно коснулся обожжённой щеки Харе, зализывая рану с грацией сытого хищника. Боль утихла, сменяясь покалыванием, ожог бесследно исчез. Опустившись ниже, Сукуна замер в миллиметре от его губ и тихо, хрипло рассмеялся:

— Ладно. Ты всю неделю пичкал меня отборными помоями. Пора бы и мне отведать чего-нибудь по-настоящему вкусного, м?

Он потянулся за поцелуем, но в этот самый момент дверь за их спинами с грохотом распахнулась.

<http://bllate.org/book/19043/1988494>